

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

三島由紀夫

ЮКИО
МИСИМА

ЖИЗНЬ НА ПРОДАЖУ

Юкио Мисима

Жизнь на продажу

Серия «Большой роман»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66059096
Юкио Мисима Жизнь на продажу:
ISBN 978-5-389-19995-8

Аннотация

Юкио Мисима – самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота). В романе «Жизнь на продажу» молодой служащий рекламной фирмы Ханио Ямада после неудачной попытки самоубийства помещает в газете объявление: «Продам жизнь. Можете использовать меня по своему усмотрению. Конфиденциальность гарантирована». И кто только к нему не обращается! Среди его клиентов ревнивый муж, наследница-нимфоманка, разведслужба посольства, неспособная самостоятельно решить загадку отравленной моркови, и даже натуральный вампир. И вот вместо того, чтобы тихо-мирно свести счеты с жизнью, Ханио Ямада оказывается в центре заговора глобального масштаба...

«Блестящий пример бескрайнего воображения Мисимы на пике формы. Парадоксальные идеи о природе бытия изложены с фирменной иронической усмешкой» (*The Japan Times*).

Впервые на русском!

Содержание

1	7
2	13
3	19
4	21
5	30
6	35
7	39
8	43
9	48
10	53
11	55
12	58
13	66
14	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юкио Мисима

Жизнь на продажу

Yukio Mishima

INOCHI URIMASU

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1968

All rights reserved

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Серия «Большой роман»

Перевод с японского Сергея Логачева

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Андрея Саукова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© С. И. Логачев, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

* * *

1

...Когда Ханио пришел в себя, вокруг было так ослепительно светло, что он подумал, не рай ли это. Однако острая боль в затылке никак не хотела уходить. Значит, не рай. Там головной боли не бывает.

Первым, что он увидел, было большое окно с матовыми стеклами. Совершенно безликое в своей вычурной белизне.

– Похоже, он пришел в себя, – послышался чей-то голос.

– О! Замечательно! Поможешь человеку в беде – и целый день настроение хорошее.

Ханио поднял взгляд. Перед ним стояли медсестра и крепкий мужчина в спецодежде врача «скорой помощи».

– Тихо, тихо. Вам нельзя делать резких движений. – Медсестра придержала его за плечи.

Ханио понял, что самоубийства не получилось.

Он принял большую дозу снотворного в последней уходящей электричке. Точнее, запил таблетки водой из фонтанчика на станции, перед тем как сесть в поезд. В вагоне повалился на пустую скамейку и тут же отрубился. Решение покончить с собой не было плодом долгих раздумий. Желание умереть пришло неожиданно в тот вечер в снэк-баре, где он обычно ужинал. Он сидел и читал заголовки газеты, вечерний выпуск за 29 ноября:

**«СОТРУДНИК МИД ЯПОНИИ
ОКАЗАЛСЯ ШПИОНОМ».**

**«РЕЙДЫ ПОЛИЦИИ В АССОЦИАЦИИ
ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ
И ЕЩЕ ДВУХ ОРГАНИЗАЦИЯХ».**

**«ОТСТАВКА МИНИСТРА ОБОРОНЫ
МАКНАМАРЫ ПРЕДРЕШЕНА».**

**«СМОГ НАД СТОЛИЧНЫМ
РЕГИОНОМ: ПЕРВОЕ ЗА ЭТУ
ЗИМУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ».**

**«ВЗРЫВ В АЭРОПОРТУ
ХАНЭДА: ПРОКУРОР ТРЕБУЕТ
ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК ДЛЯ АОНО¹**

ЗА ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ».

¹ 23-летний Дзюн Аоно был арестован и осужден за организацию взрыва в токийском аэропорту Ханэда 15 февраля 1967 г., от которого пострадали пять человек. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Город на о. Кюсю, Административный центр одноименной префектуры.

«ГРУЗОВИК ОПРОКИНУЛСЯ

Ничего нового. Все новости как штампованные, каждый день одно и то же. Ни одна заметка никак его не тронула.

Он отложил газету, и тут же совершенно неожиданно явилась мысль о самоубийстве, причем с такой легкостью, будто он решил поехать на пикник. Если бы его спросили, почему он захотел свести счеты с жизнью, он бы ответил, что никакой причины не было. Просто пришло в голову и все.

От несчастной любви он не страдал, но даже если бы и страдал, не такой Ханио человек, чтобы травиться или вешаться из-за этого. Денег вроде тоже хватало. Он работал копирайтером и придумал слоган для средства, способствующего пищеварению, которое разработала фармацевтическая компания «Госики»: «Четко, ясно – проще не бывает. Не успеешь охнуть, как уже здоров».

Считалось, что он достаточно талантлив, чтобы уйти на вольные хлеба и быть успешным, но ему этого совершенно не хотелось. Он работал в компании «Токуо Ад», платили хорошо, а больше и не надо. До последнего дня был честным, исполнительным сотрудником.

Ага! Если подумать, именно это и стало причиной неожиданно возникшего желания покончить с собой!

Ханио вяло пролистывал газету и не успел подхватить выпавшую из середины страницу, которая скользнула под столик. Он проводил ее ленивым взглядом. Наверное, так змея смотрит на сброшенную ею кожу. Спустя какое-то время у него вдруг возникло острое желание поднять страницу. Ко-

нечно, можно было ее не поднимать, но он сделал это – вроде так положено. Хотя не исключено, что им двигало нечто более серьезное – например, решимость восстановить порядок в мире. Кто знает...

Так или иначе, он нагнулся, заглянул под шаткий маленький столик, протянул руку...

И увидел отвратительное существо.

На упавшей газете, замерев, устроился таракан. В тот момент, когда Ханио протянул руку, блестящее, цвета красного дерева насекомое с необыкновенной скоростью метнулось в сторону и затерялось среди газетных иероглифов.

Он положил на столик газету и все-таки поднял с пола выпавшую страницу. Взглянул на нее. Разобрать, что на ней написано, не получилось – все иероглифы тут же превратились в тараканов. Он попробовал зафиксировать на них взгляд, но они разбежались кто куда, поблескивая темно-красными спинками.

«А-а, так вот как оно все устроено», – вдруг открылось Ханио. И его открытие породило неодолимое желание покинуть этот мир.

Хотя это лишь объяснение ради объяснения.

Все не так просто и ясно, как кажется. Пусть иероглифы в газете разбегаются, как стая тараканов, тут уж ничего не поделаешь. От безысходности мысль о смерти прочно засела в мозгу. С этого момента смерть повисла над Ханио вроде снежной шапки, нахлобученной в зимний день на красный

почтовый ящик.

Затем жизнь пошла веселее. Он отправился в аптеку, купил снотворное, но сразу выпить не решился и пошел в кино. Посмотрел три фильма подряд. Выйдя из кинотеатра, заглянул в бар для знакомств, куда иногда заходил.

Оказавшаяся на соседнем табурете кубышкообразная девица имела такое тупое выражение лица, что не могла вызвать ни малейшего интереса, но, даже несмотря на это, у Ханио возникло желание признаться ей в том, что он собирается умереть.

Он слегка тронул локтем ее пухлый локоток. Девица покосилась на соседа, лениво повернулась к нему всем телом с таким видом, будто этот маневр потребовал от нее невероятных усилий, и хохотнула. Типичная деревенщина.

– Добрый вечер, – обратился к ней Ханио.

– Добрый вечерок.

– А ты милашка.

– Уху-ху.

– А что я дальше скажу, знаешь?

– Уху-ху.

– Ведь не знаешь.

– Прямо уж не знаю?

– Я вечером себя убью.

Вместо того чтобы удивиться, девица рассмеялась во весь рот. Не закрывая его, бросила в открывшееся отверстие ломтик сушеной каракатицы и, не переставая смеяться, приня-

лась его пережевывать. Запах каракатицы, не отставая, витал вокруг носа Ханио.

Спустя какое-то время в баре появилась еще одна девушка, похоже подруга девицы, и та радостно помахала рукой вошедшей. И, даже не кивнув, отсела от Ханио.

Он вышел из бара, раздосадованный тем, что провозглашенное им намерение умереть не восприняли всерьез.

Было еще не поздно, но мысль его зациклилась на последней электричке, и до нее надо было как-то скоротать время. Он вошел в салон патинко, уселся перед автоматом и стал нажимать на рычажок. Выиграл целую кучу шариков. Жизнь человеческая заканчивалась, а шарики сыпались и сыпались в лоток. Такое впечатление, будто кто-то насмехается над ним.

Наконец пришло время последней электрички.

Ханио прошел на станции через турникет, выпил снотворное у фонтанчика и вошел в вагон.

2

После того как Ханио оплошал с самоубийством, перед ним открылся в своем великолепии пустой и свободный мир.

С того самого дня он полностью порвал с однообразием повседневности, которое, как ему казалось, будет длиться вечно. Появилось ощущение, что теперь все возможно. Дни больше не сливались в один бесконечный день. Они умирали один за другим, как и положено. Он четко видел перед собой картину: ряд мертвых лягушек с выставленными напоказ белыми брюшками.

Он написал заявление об увольнении из «Токуо Ад». Фирма процветала, поэтому ему выплатили щедрое выходное пособие, что обеспечило жизнь, в которой он мог ни от кого не зависеть.

В третьеразрядной газете, в колонке «Ищу работу», он поместил следующее объявление:

«Продам жизнь. Можете использовать меня по своему усмотрению. Мужчина. 27 лет. Конфиденциальность гарантирована. Не доставляю никаких хлопот».

Добавил свой адрес, и на двери квартиры прилепил листок с надписью: «Ханио Ямада. Продается жизнь».

В первый день никто не пришел. Перестав ходить на работу, Ханио совершенно не скучал. У него было чем занять свободное время. Он валялся в своей комнате и смотрел те-

левизор или в задумчивости грезил о чем-то.

Когда «скорая» доставила его в больницу, он был без сознания, поэтому, по идее, ничего не должен был помнить, однако, как ни странно, стоило услышать сирену, как в голове тут же оживало воспоминание, как его везли на «скорой». Он лежал в машине и громко храпел. Врач в белом халате сидел рядом, придерживая одеяло, которым накрыли Ханио, чтобы тот не свалился на повороте с каталки. Он четко видел эту картину. У врача возле носа красовалась большая родинка...

При всем том новая жизнь оказалась какой-то пустой, как комната без мебели.

На следующее утро в квартиру Ханио кто-то постучал.

Отворив, он увидел на пороге маленького, аккуратно одетого старичка. Боязливо оглянувшись, посетитель быстро вошел и закрыл за собой дверь.

– Вы Ханио Ямада?

– Да.

– Я видел ваше объявление в газете.

– Проходите, пожалуйста.

Ханио провел гостя в угол комнаты, где был расстелен красный ковер и стоял черный стол и такого же цвета стулья. Обстановка давала понять, что хозяин этого жилища имеет отношение к дизайну.

Старичок прошипел что-то в ответ, как змея, вежливо поклонился и присел на стул.

– То есть это вы жизнь продаете?

– Точно так.

– Вы человек молодой, живете прилично. Зачем вам это надо?

– Давайте без лишних вопросов.

– Хотя... сколько же вы хотите за свою жизнь?

– Зависит от того, сколько вы готовы дать.

– Ну как можно быть таким легкомысленным? Это вы должны назначить цену за свою жизнь. Если я предложу сто иен, что вы будете делать?

– Пусть так. С меня хватит.

– Странные вещи вы говорите, однако.

Старичок извлек из нагрудного кармана бумажник, вынул пять новеньких хрустящих банкнот по десять тысяч и развернул их веером, как карты.

Ханио с бесстрастным видом принял пятьдесят тысяч.

– Можете говорить все, что угодно. Я не обижусь.

– Договорились. – Старичок достал из кармана пачку сигарет с фильтром. – От курения можно получить рак легких. Не желаете сигарету? Вряд ли человек, выставивший свою жизнь на продажу, будет беспокоиться, как бы не заболеть раком... Так вот. Дело мое очень простое. Моей жене – она у меня уже третья – двадцать три года. Между нами разница – ровно полвека. Она замечательная, знаете. Груды у нее... торчат в разные стороны, как два поссорившихся голубка. Губы! Такие полные, сладкие, зовущие. Словами не

передать, какое у нее великолепное тело. А ноги какие! Сейчас вроде как мода на женщин с болезненно тонкими ногами. То ли дело ее ноги – правильной формы, от полных бедер до тонких щиколоток. А ягодицы! Видели холмики, которые по весне вскапывают в саду кроты? Очень похоже... Так вот, она от меня ушла и пустилась во все тяжкие – гуляет напропалую. Сейчас живет не то с китайцем, не то с корейцем. Бандит какой-то, но не из «шестерок». У него четыре ресторана и наверняка пара-тройка покойников на счету, которых он уложил в могилу в борьбе за место под солнцем... Я хочу, чтобы вы познакомились с моей женой, завели с ней шуры-муры и чтобы этот бандит узнал о вашей связи. После этого вас наверняка убьют, жену, скорее всего, тоже. А я получу удовлетворение. Только и всего. Ну как? Готовы?

– Хм! – Ханио выслушал старичка со скучающим видом. – Но получится ли такой романтический конец у этого дела? Ваша мечта – отомстить жене. А что, если, связавшись со мной, она будет готова умереть с радостью? Что тогда?

– Она не из тех, кто принимает смерть с радостью. В этом вы с ней не похожи. Она хочет получать от жизни все, что только можно. Это, как манифест, написано на каждой частичке ее тела.

– Почему вы так думаете?

– Сами скоро узнаете. Так или иначе, буду вам признателен, если вы сделаете все как надо и умрете за меня. Письменное соглашение ведь не понадобится?

– Не понадобится.

Старичок еще пошипел немного. Видимо, о чем-то раздумывал.

– Может быть, есть какие-то просьбы, которые я могу исполнить после вашей смерти?

– Ничего такого. В похоронах я не нуждаюсь, равно как и в могиле. Но есть одно дело, которое вы могли бы сделать для меня. Я все собирался завести сиамского кота, но так и не получилось. Боялся лишних хлопот. Буду признателен, если после моей смерти вы заведете сиамца вместо меня. И я думаю, что давать ему молоко надо не в блюдечке, а в ковшике. Как он начнет из него лакать, надо легонько приподнять ковшик, чтобы его мордочка окунулась в молоко. Я бы попросил вас проделывать это раз в день. Это важно, так что не забудьте, пожалуйста.

– Странная какая просьба.

– Вы так думаете, потому что живете в самом обыкновенном, заурядном мире. Такая просьба лежит за пределами вашего воображения. И вот еще что. Если я вдруг останусь жив, должен ли я возвращать вам пятьдесят тысяч?

– До этого не дойдет. Прошу вас только об одном: жена должна быть убита обязательно.

– То есть это контракт на убийство?

– Можно и так сказать. Я хочу, чтобы следа от нее на этом свете не осталось. И я не хочу чувствовать себя виноватым. Ни в чем. Это того не стоит, чтобы я мучился да еще ви-

нил себя... Значит, договорились. Вы должны начать действовать прямо сегодня вечером. Дополнительные расходы я оплачу по вашему требованию.

– И где же мне «начинать действовать»?

– Вот карта. Здесь на холме элитный жилой дом. Называется «Вилла Боргезе». Квартира восемьсот шестьдесят пять. Пентхаус на верхнем этаже. Когда она там бывает, не знаю. Так что вам придется самому ее искать.

– Как зовут жену?

– Рурико Киси. В фамилии тот же иероглиф, что у премьер-министра Киси³.

Как ни странно, старичок прямо-таки сиял, рассказывая Ханио о сбежавшей супруге.

---

³ *Нобусукэ Киси* (1896–1987) – государственный и политический деятель Японии, премьер-министр в 1957–1960 гг.

3

Старичок направился к выходу. Только закрыл за собой дверь, и тут же вернулся. У человека, купившего чужую жизнь, были все резоны сказать то, что он сказал:

– О! Забыл важную вещь. Вы не должны никому ничего рассказывать. Ни о том, кто к вам приходил, ни о том, что вас попросили сделать. Раз уж я покупаю вашу жизнь, должна соблюдаться коммерческая этика.

– Об этом можете не беспокоиться.

– Нельзя ли получить письменное обязательство?

– Но это же просто глупо. Если вы уйдете с таким обязательством, бумага сама по себе будет говорить о том, что вы меня о чем-то просили. Разве не так?

– Так-то оно так... – Издавая шипящие звуки сквозь неважно подогнанные зубные протезы, старичок, шаркая ногами, с озабоченным видом подошел к Ханию. – Но как я могу вам верить?

– Тот, кто верит, верит всему, тот, кто сомневается, сомневается во всем. Вы пришли сюда, заплатили мне деньги. Это убедило меня, что в нашем мире еще существует доверие. И даже если я расскажу кому-то, о чем вы меня попросили, я понятия не имею о том, кто вы и откуда. Так что вам не о чем беспокоиться.

– Не говорите глупостей. Рурико все разболтает. Можете

не сомневаться.

– Все может быть. Но лично мне это совсем ни к чему.

– Вижу. Я в людях как-никак разбираюсь. Когда увидел вас, сразу понял: этот подойдет. Если еще понадобятся деньги, просто оставьте записку на доске объявлений у центрального входа вокзала Синдзюку: «Жду денег. Завтра в восемь утра. Жизнь». Что-нибудь в этом роде... Я люблю пройтись по универсамам, каждое утро совершаю такие прогулки. Время до открытия тянется медленно, так что давайте с утра пораньше.

Старичок повернулся к двери. Ханио вышел вслед за ним.

– Куда вы собрались?

– Разве не понятно? На «Виллу Боргезе», в квартиру восемьсот шестьдесят пять.

– Быстро вы взялись за дело.

Вспомнив, Ханио перевернул листок на двери с надписью: «Продается жизнь» – на другую сторону, где было написано: «ПРОДАНО».

4

«Вилла Боргезе» оказалась белым, выстроенным в итальянском стиле зданием, которое возвышалось на холме в окружении убогой застройки. Его было видно издали, так что сверяться с картой не понадобилось.

Ханио заглянул в окошко помещения консьержа, но в кресле никого не оказалось. Нет так нет. Он направился к лифту в глубине вестибюля. Двигался не по собственной воле, а как бы ведомый некой путеводной нитью, ощущением легкости, которую рождало отсутствие какой-либо ответственности, как человек, решившийся на самоубийство. Жизнь была наполнена этой легкостью.

Он вышел на восьмом этаже. В коридоре стояла тишина, как обычно утром. Дверь с номером 865 оказалась тут же, рядом. Ханио нажал кнопку звонка и услышал, как за дверью мелодично зазвенел тихий колокольчик.

Никого?

Однако интуиция подсказывала Ханио, что утром Рурико должна быть дома одна. Проводив любовника, она не иначе как легла досыпать.

Ханио настойчиво продолжать давить на звонок.

Наконец из квартиры донесся шум – похоже, к двери кто-то подошел. Она приоткрылась на цепочку, и в щели показалось удивленное лицо молодой женщины. На ней была ноч-

ная рубашка, но лицо не заспанное, а наоборот – живое и сосредоточенное. Губы в самом деле были пухлые, влекущие.

– Вы кто?

– Я из компании «Жизнь на продажу». Не хотите ли застраховать свою жизнь?

– Не интересует. Мы тут все застрахованные. Больше не надо.

Говорила женщина резко, но дверь перед Ханио не захлопнула, из чего он сделал вывод, что какой-то интерес он все-таки у нее вызвал. Ханио просунул ногу в дверную щель, как это делают торговые агенты.

– Я даже входить не буду. Просто выслушайте меня, и я тут же уйду.

– Нет-нет. Муж разозлится. И потом, я сейчас в таком виде...

– Тогда я еще раз загляну, хорошо? Минут через двадцать.

– Ну... – Женщина задумалась. – Вы пока сходите еще куда-нибудь, а через двадцать минут опять позвоните.

– Спасибо. Я так и сделаю. – Он убрал ногу, и дверь закрылась.

Ханио прождал двадцать минут на диванчике, стоявшем в конце коридора у окна. Оттуда хорошо были видны окрестности, освещенные зимним солнцем. Открывшаяся картина была настолько непрезентабельной, что больше напоминала муравейник, чем городские кварталы. Конечно, жившие там люди делали вид, что у них все хорошо, желали друг другу

доброе утра, справлялись о работе, здоровье жен и детей или выражали беспокойство по поводу осложнения международной обстановки. Но никто не замечал, что все эти слова уже не имеют никакого смысла.

Выкурив пару сигарет, он опять подошел к двери с номером 865 и постучал. На этот раз дверь широко распахнулась, и на пороге появилась женщина в костюме салатного цвета с откровенно распахнутым воротником и пригласила Ханио войти.

– Хочешь чаю? Или что-нибудь покрепче?

– Исключительный прием, достойный дипломата.

– А я сразу поняла, что никакой ты не страховщик. Как только увидела. Если хотел разыграть спектакль, надо было лучше подготовиться.

– Твоя правда. Что ж, может, тогда пивом угостишь?

Рурико со смехом подмигнула и, покачивая бедрами, слишком крутыми для ее точеной фигурки, прошла через комнату в кухню.

Через несколько минут они уже сидели и пили пиво.

– Так кто же ты такой?

– Будем считать, я молочник.

– Шутишь? А ты знаешь, что рискуешь, явившись сюда?

– Нет.

– И кто же попросил тебя прийти?

– Никто.

– Странно. Хочешь сказать, просто так, наудачу позвонил

в первую попавшуюся дверь и случайно застал гламурную красотку?

– Получается, так.

– Так ты везунчик. У меня особо ничего нет к пиву. А вообще, это нормально пить по утрам пиво с чипсами? погоди, еще должен быть сыр.

Рурико снова направилась на кухню, к холодильнику.

– О! Охладился в самый раз, – слышался ее голос. Она вернулась с тарелкой, на которой на листьях салата лежало что-то черное. – Вот, попробуй.

Она почему-то подошла к Ханио сзади. В следующую секунду что-то холодное ткнулось ему в щеку. Краем глаза он увидел пистолет. Это его не особенно удивило.

– Холодный, правда?

– Да уж. Ты его всегда в морозилке держишь?

– Конечно. Терпеть не могу теплое оружие.

– А ты горячая.

– Не боишься?

– Да не так чтобы.

– Думаешь, раз я женщина, можно со мной шутки шутить? Даю тебе время все рассказать. Так что пей пиво и молись.

Рурико осторожно отвела пистолет от Ханио, обошла его вокруг и устроилась в кресле напротив. Ствол по-прежнему смотрел на Ханио. Тот держал стакан с пивом, сохраняя полное спокойствие, зато у Рурико руки мелко дрожали. Ханио

с интересом наблюдал за ней.

– А ты здорово замаскировался, – сказала она. – Ты кто? Китаец? Кореец? Сколько лет в Японии?

– Ну и шутки у тебя. Я японец. Чистокровный.

– Вот только врать не надо. Ты шпионишь за моим мужем.

И зовут тебя по-настоящему или Ким, или Ли.

– Откуда такие выводы?

– А ты крутой парень. Правды от тебя не дождешься...

Придется еще раз объяснить, что ты и так должен знать. Мой муж ревнив как черт, вечером он ни с того ни с сего набросился на меня, видно, подозревает в чем-то. Ситуация была не дай бог. В конце концов он поручил своей «шестерке» за мной следить. Но наблюдения со стороны ему мало. Он меня проверяет – может подослать сюда кого-нибудь, чтобы тот меня соблазнил. Я его знаю. Так что подойдешь на шаг – выстрелю. Это он дал мне пистолет для самообороны и убедился, что я умею им пользоваться... Может, ты, конечно, ничего про это и не знал и тебя сюда послали втемную, ни о чем не предупредив. Тогда, значит, ты попал в ловушку... Не знал, что тебя подставили под пулю, чтобы я доказала свою верность мужу.

– Ого! – Ханио все с тем же скучающим видом посмотрел на Рурико. – Но раз мне все равно конец, я хотел бы прежде переспать с тобой. А потом можешь меня спокойно убить. Я трепыхаться не стану. Обещаю.

В глазах Рурико читалось постепенно нараставшее раз-

дражение. Ханио казалось, что он видит в них карту горных вершин, контуры которых неожиданно смешались, сбились в кучу.

– Не убедительно. Послушай, а ты, случайно, не из ACS?

– ACS? Это что такое? Телекомпания?

– Не прикидывайся дурачком. ACS – это *Asia Confidential Service*. Азиатская секретная служба.

– Я вообще не понимаю, о чем ты.

– Ну да, конечно. Я чуть не попала на удочку. Я же чуть тебя не уложила. Случись такое – на всю жизнь осталась бы в его когтях. Какой романтический сценарий он придумал, чтобы удержать своего маленького птенчика. Я убиваю человека, доказывая, что верна мужу, и после этого он на всю оставшуюся жизнь засаживает меня под замок. Вот такой план он придумал. В Японии всего пять человек имеют возможности, чтобы укрывать убийц. Мой муженек – из их числа. Мне так страшно... Скажи: ты все-таки из ACS или нет? – повторила свой вопрос Рурико и бросила пистолет на стоявший рядом пуфик.

Ханио решил не углубляться в эту тему. Пусть будет ACS.

– Значит, ты тоже на него работаешь? Под прикрытием страхового агента? А я не знала. Мог бы и предупредить. Я мужа имею в виду. Но актер из тебя никудышный. Наверное, недавно в ACS? Сколько месяцев стажировешься?

– Полгода.

– Маловато. И за такое короткое время все языки выучил?

Всю Юго-Восточную Азию? Все китайские диалекты?

Ханио ничего не оставалось, как неопределенно мычать.

– Но нервы у тебя железные. Молодец! – решила польстить ему Рурико.

Судя по выражению лица, теперь она чувствовала себя свободнее. Она встала и бросила взгляд на балкон, где Ханио заметил садовый стул. Белая краска на нем облупилась. Рядом стоял стол из того же гарнитура, что и стул. На кромке стеклянной крышки дрожали капли прошедшего накануне дождя.

– И сколько килограммов он попросил тебя перевезти?

Ответа на этот вопрос у Ханио не было, поэтому он ограничился словами: «Этого я сказать не могу» – и зевнул.

– В Лаосе золото такое дешевое. Если брать во Вьентьяне по рыночной цене, в Токио можно получить вдвое. Главное – довести. Вот прошлый парень из ACS придумал классную штуку. Растворял золото в кислоте – в царской водке, разливал в бутылки из-под виски и дюжинами таскал их в Японию. А здесь уже обратно выделял золото. Представляешь?

– Что-то больно мудрено. Один выпендрож. Вот у меня, к примеру, туфли из золота, а поверх крокодиловая кожа наклеена. Только ноги очень мерзнут.

– Эти самые?

Рурико, не скрывая любопытства, наклонилась, чтобы поближе рассмотреть обувь Ханио, но ни тяжести, ни блеска благородного металла не ощутила. Тем временем глаза Ха-

нию словно магнитом притягивала глубокая ложбинка между ее грудями, которые – правду сказал старичок – смотрели в разные стороны, точно поссорились, но под давлением с двух сторон против своей воли прижимались друг к другу, разделенные только мучнисто-белой ложбинкой. Казалось, Рурико присыпала это место тальком. Ханио представил, что целует ее в ложбинку и будто тычется носом в детскую присыпку.

– А как с контрабандой американского оружия через Лас-ос? Перевалочный пункт в Гонконге? Но это ж сколько геммороя! База Татикава⁴ куда ближе. Там-то оружия завались.

Ханио прервал ее:

– Муж-то когда вернется?

– К обеду должен зайти ненадолго. Он тебе что, не сказал?

– Вот я и решил подойти пораньше. Ну что, может, вздремнем немножко, пока он не пришел? – Ханио еще раз зевнул и скинул пиджак.

– Ах ты, несчастный! Устал, что ли? Ложись тогда на мужнину кровать.

– Нет, я на твою хочу.

Без лишних слов Ханио схватил Рурико за руку. Она стала отбиваться и дотянулась до пистолета, лежащего на пуфике.

– Идиот! Пулю захотел?

– Меня все равно убьют. Так что мне без разницы – придет твой муж или не придет.

---

⁴ Город в 40 км от Токио, где до 1977 г. находилась база ВВС США.

– Зато для меня есть разница. Вот я сейчас тебя застрелю и останусь жить, а если муж застанет нас в постели, нам обоим крышка.

– Да, простая арифметика. Но у меня вопрос: ты знаешь, что ждет того, кто убьет агента ACS? Да еще без причины.

Рурико побледнела и покачала головой.

– Вот что.

Ханио подошел к уставленной безделушками полочке, взял куклу в национальном швейцарском костюме и согнул ее так, что она переломилась пополам.

5

Ханио разделся первым и, забравшись под простыню, стал думать, что делать дальше:

«Надо постараться, чтобы это дело продолжалось как можно дольше. Чем дольше, тем больше шансов, что явится ее муженек и застрелит нас обоих».

Он полагал, что, если их убьют, так сказать, в процессе, это будет самая лучшая смерть. Старику неприлично так умирать, а молодому в самый раз. Почетней кончины не придумаешь.

Идеально, конечно, ничего не знать до самого последнего момента. Что может быть лучше падения с вершины экстаза в пучину небытия?

Но для Ханио это был не вариант. В предчувствии гибели надо растянуть удовольствие. Страх, который испытывают перед лицом смерти обычные люди, не позволяет им наслаждаться сексом, однако к Ханио это не имело отношения. Он будет мертв до того, как успеет рот открыть, ну и что с того? Пока до этого дойдет, только одно имеет значение: надо прожить каждый момент жизни, один за другим, растягивать ее и наслаждаться ею.

Чего было не отнять у Рурико, так это невозмутимости и уверенности в себе. Она небрежно прикрыла венецианские жалюзи наполовину, но шторы задерживать не стала. Ком-

ната, наполненная голубым светом, стала походить на аквариум. Нисколько не стесняясь, Рурико сняла с себя одежду. Дверь в ванную комнату была распахнута, и Ханио мог видеть ее обнаженную фигуру, наблюдать, как, стоя перед зеркалом, она побрызгала туалетной водой под мышками, мазнула духами за ушами.

Плавные контуры ее тела – от плеч до ягодиц – сразу навели на мысль о сладких объятиях. Он смотрел на девушку как зачарованный, с трудом веря в происходящее.

Наконец, грациозно ступая, Рурико обошла вокруг кровати и с деловым видом юркнула под простыню.

Понимая, что это не самая подходящая тема для разговора в постели, Ханио тем не менее не смог побороть любопытство:

– Зачем вокруг кровати-то?

– Это у меня вроде ритуала. Знаешь, собака, перед тем как улечься, кружится на месте. Инстинкт своего рода.

– А я не знал.

– Ладно, времени нет. Давай по-быстрому, – расслабленно проговорила Рурико, закрывая глаза и обхватывая Ханио за шею.

Стратегия Ханио заключалась в том, чтобы максимально растянуть процесс, как можно дольше удерживать партнершу на грани – попробовать одно и вернуться к началу, потом другое, и снова отступление. И так несколько раз. Но к его удивлению, с первого же раза пошло не так, как он привык.

Глядя на тело Рурико, можно было понять ту одержимость, с какой рассказывал о нем посетивший Ханио старичок. Поэтому план действий, намеченный Ханио, чуть было не провалился, но все же ему удалось устоять.

Задача заключалась в том, чтобы не дать Рурико отвлечься от того, чем они занимались, чтобы она оставалась сосредоточенной на этом даже под страхом смерти. И Ханио пустил в ход все приемы, которыми владел: то возбуждал в ней сожаление, что все вот-вот закончится; то дразнил, вызывая радость оттого, что это не кончается. Чтобы добиться нужного эффекта, требовались краткие паузы. Ханио был уверен в себе и умел их делать. Тело Рурико приобрело цвет спелого персика, и хотя девушка лежала на кровати, ощущение было такое, словно она парит в воздухе. Взгляд ее глаз, полных слез, цеплялся за лучи света, проникавшие через окно в потолок, и тут же соскальзывал вниз. Она была узницей, лишенной возможности вырваться на свободу.

Ханио бросался на приступ, делал паузу; передохнув, начинал снова. Но с каждым усилием он все ближе приближался к тому, чтобы оказаться в необыкновенной ловушке, которую представляло собой тело Рурико. Избежать этого можно было, только наблюдая, как ее фантазии становятся все более изощренными.

Занятый этим делом, Ханио услышал, как во входной двери тихо поворачивается ключ. Рурико ни на что не обращала внимания и, крепко зажмурившись, мотала головой из сто-

роны в сторону. Лицо ее было мокрым от пота.

«А вот и конец, – подумал Ханио. – Пистолет, скорее всего, с глушителем. Сейчас он проделает маленький красный тоннельчик в моей спине, который войдет в грудь Рурико».

Дверь потихоньку затворилась. В квартиру определенно кто-то вошел. Однако ничего не случилось.

Ханио не хотелось оборачиваться – к чему лишние усилия? Раз уж времени совсем не остается, надо, чтобы концовка была достойной. Лучше всего, если смерть застанет его именно в такой момент. Конечно, жизнь не была целиком посвящена ожиданию этой минуты, и тем не менее он с ощущением неожиданно свалившегося счастья топил себя в подготовленных Рурико восхитительных ловушках. Но даже когда все закончилось, ничего не произошло и Ханио, не отрываясь от Рурико и приподняв голову, как змея, обернулся.

Он увидел толстого, комичного вида человека средних лет, одетого в модный, абрикосового цвета пиджак и берет. На коленях у него был большой альбом для рисования, в котором толстяк энергично водил карандашом.

– Э-э... не шевелитесь, не шевелитесь, – кротко проговорил он, не отводя глаз от бумаги.

Рурико будто пружиной подбросило, стоило только услышать его голос. Ханио поразился, увидев на ее лице выражение безотчетного ужаса.

Рурико сильно дернула простыню, натягивая ее на себя, и села на кровати. Ханио остался голым, единственное, что он

мог делать в таком положении, – переводить взгляд с Рурико на вошедшего и обратно.

– Почему ты не стреляешь? Почему ты нас не убил? – пронзительно воскликнула Рурико и разрыдалась. – А-а, понятно! Ты собрался поджаривать нас на медленном огне.

– Не шуми ты. Уймись.

Толстяк еще старательнее заработал карандашом. Говорил он с каким-то странным акцентом, присутствие Ханио полностью игнорировал.

– Хороший рисунок получается. Ваши движения были прекрасны. У меня сейчас проснулось художественное чувство, не могли бы вы помолчать еще немного.

И Ханио, и Рурико были вынуждены подчиниться.

6

– Ну все. Я закончил. – Толстяк сложил альбом, снял берет и положил на стул. Потом подошел к кровати и, уперев руки в бока, тоном учителя, разговаривающего с младшеклассниками, сказал: – А теперь оденьтесь, а то простудитесь.

Обескураженный, Ханио стал натягивать в беспорядке брошенную одежду, в то время как Рурико, завернувшись в простыню, поднялась с кровати и с негодующим видом проследовала в ванную. Волочившаяся по полу простыня зацепилась за дверь; сердито щелкнув с досады языком, Рурико втянула простыню за собой. Дверь с громким стуком захлопнулась.

– Ну, иди сюда. Выпить хочешь? – предложил толстяк.

Делать нечего – Ханио вернулся за стол, за которым они недавно выпивали с Рурико.

– Она долго там будет ковыряться. Полчаса как минимум. Придется подождать. Вот выпей, и можешь спокойно идти домой.

С этими словами он достал из холодильника бутылку с коктейлем «Манхэттен», ловко бросил по вишенке в два стакана и налил напиток, высоко держа бутылку. Вид его пухлых, в ямочках, рук наводил на мысль о неограниченном великодушии их обладателя.

– Так вот, спрашивать, кто ты такой, я не собираюсь. Да и какая разница?

– Рурико-сан сказала, что я из ACS...

– Ты можешь об этом не знать. Это нормально. Эта самая ACS существует только в страшилках, которые выдумывают авторы манги. Вообще-то, я очень миролюбивый человек. Мухи не обижу. Все дело в том, что эта девица фригидная. Чего я только не придумываю, чтобы ее подстегнуть, заставить почувствовать возбуждение. Она получает удовлетворение от моих трюков и размахивает игрушечным пистолетом, как настоящим. Я в душе пацифист. Считаю, что людям во всех странах важно жить в мире и помогать друг другу с помощью торговли и коммерции. Нельзя наносить человеку душевные травмы, не говоря уж о физических. Это и есть самый главный урок, которому нас учит гуманизм. Правильно?

– Полностью с вами согласен, – только и мог сказать растерянный Ханио.

– Этой девице на мой пацифизм наплевать. Ей нужны острые ощущения, она обожает мангу, всякие ужастики. Потому я и разыгрываю для нее спектакли. Я притворяюсь, что отправил на тот свет несколько человек. Наплел ей всякую ерунду вроде ACS. Ей это нравится, потому что позволяет избавиться от фригидности. Поэтому я и разрешаю ей пребывать в этих иллюзиях. Будь я на самом деле тем, кем она меня представляет, уж конечно, наша могучая полиция ме-

ня бы в покое не оставила. Но ради секса совсем неплохо представлять в образе пахана, которому убить человека – раз плюнуть.

– Понимаю. Но почему меня...

– Ты ни в чем не виноват. Доставил Рурико удовольствие. Упрекнуть мне тебя не в чем. Это я у тебя в долгу. Повторишь? Выпей – и домой. И больше не надо сюда приходить. Не заставляй меня сгорать от ревности. А рисунок и вправду получился замечательный. Взгляни.

Толстяк открыл свой альбом. Рисунок получился очень живой и был сделан почти на профессиональном уровне.

Ханио, будучи персонажем запечатленной сцены, изумился ее удивительной красоте и целомудрию. Казалось, перед ним два отважных маленьких диких зверька, вступивших в забавную игру. Изображенные на рисунке воплощали собой движение – как бы исполняли радостный, энергичный танец, удовольствие переполняло их. Глядя на рисунок, Ханио не чувствовал и намека на мелочную рассудочность.

– Замечательный рисунок! – не мог скрыть своих чувств Ханио, возвращая альбом толстяку.

– Неплохо, да? Люди наиболее красивы, когда счастливы. Смотри, какие мирные позы. И я не собирался мешать. Все было как надо. Я доволен, что смог запечатлеть это на бумаге. А теперь иди домой, пока Рурико не вышла. – Толстяк встал и протянул руку для рукопожатия.

Ханио вовсе не хотелось пожимать эту руку, будто слеп-

ленную из пенопласта, однако надо было уходить.

– Тогда до свидания. – Он поднялся и сделал шаг к двери.

Толстяк положил руку ему на плечо:

– Ты еще молод. Забудь, что здесь сегодня было. Хорошо?

Забудь все – место это, людей, которых здесь видел. Понятно? Тогда у тебя останутся хорошие воспоминания. Этот совет – мой тебе подарок на прощание. Договорились?

Ханио вышел из дверей на яркий свет, унося с собой этот недвусмысленный совет. Даже в его представлении то, что с ним произошло, выглядело глупой и безрассудной фантазией. Он решил выступать в роли крутого нигилиста, но, получив урок мудрости от человека его старше, словно трансформировался из незрелого юнца во взрослого человека. В сущности, с ним разговаривали покровительственно, как с нашалившим ребенком.

Ханио шел по зимним улицам, и ему показалось, что его кто-то преследует. Он обернулся, но никого не увидел. «Что же получается? Меня обвели вокруг пальца, как в ужастике, – подумал он. – Нет, не только меня, но и старичка – моего доверителя. Так, что ли?»

Ханио зашел передохнуть в оказавшуюся поблизости закусочную. Судя по новенькой вывеске, она открылась совсем недавно. Он попросил кофе и хот-дог.

Когда официантка принесла баночку с французской горчицей и упакованную в булочку свежую сосиску, высовывавшую наружу блестящий кончик, Ханио без всякого умысла спросил:

– Ты вечером что делаешь?

Девушка была худой до прозрачности. Ее макияж больше подходил для вечера, чем для рабочего дня; она так плотно

сжала губы, будто дала себе зарок никогда не смеяться.

– Еще ж день.

– Потому я и спрашиваю про вечер.

– Откуда я знаю, чего вечером будет?

– Ты даже на чуток вперед заглянуть не можешь?

– Не могу. Тут даже через пятнадцать минут, что будет, не знаешь.

– Ты всегда точно по пятнадцать минут отмеряешь?

– В телике ведь так: прошло пятнадцать минут – раз тебе реклама, перерыв. Все ждут, что будет дальше. И в жизни так же.

Официантка громко засмеялась и ушла. То есть дала ему отлуп.

Но Ханио от этого нисколько не расстроился. Понятно, что девица списывает свою жизнь с телевизора. Так оно вернее и спокойнее. Все ясно и понятно: пятнадцать минут прошли – реклама. Зачем ей думать, что будет вечером?

Ханио ничего не оставалось, как возвратиться домой, но он добрался туда только ночью. Все это время бродил по улицам, заглядывая в разные кафешки и питейные заведения и стараясь при этом особо не тратиться.

Пятьдесят тысяч лежали в нагрудном кармане нетронутыми, поскольку Ханио не оставляла мысль, что деньги придется вернуть.

Интересно, когда теперь заглянет этот старикашка?

Пока он не объявился и не произведен расчет, покупате-

лем жизни Ханио считается этот старик, и листок с надписью: «ПРОДАНО» – на двери лучше оставить.

В ту ночь Ханио спал как убитый. На следующее утро он услышал в коридоре шаги. Кто-то остановился у его двери, но, очевидно увидев объявление, решил не стучать и удалился. Ханио вдруг подумал, а не по его ли душу приходил неизвестный? Но тут же возразил сам себе: вряд ли его записали в участники фальшивого триллера. Пока закипала вода для утреннего кофе, он, встав перед зеркалом, рассматривал себя: оттянул нижние веки, высунул язык.

Весь следующий день Ханио прождал старичка. Просто сторал в ожидании его появления и сам удивлялся своему нетерпению. Хотелось увидеть его поскорее и как-то разобраться, что там с его жизнью. Раз уж купил, надо все-таки серьезнее относиться к своей покупке. И Ханио целый день просидел дома, опасаясь куда-то отлучиться, – вдруг старичок придет в его отсутствие.

Зимнее солнце зашло. Консьерж дома, где жил Ханио, имел обыкновение разносить жильцам вечерние газеты, подсовывая их под дверь с наступлением темноты.

Ханио развернул «вечерку» и с удивлением обнаружил на третьей странице большую фотографию Рурико и заголовок:

«ТРУП КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЫ ОБНАРУЖЕН В СУМИДАГАВЕ»⁵.

Под заголовком следовал претендующий на сенсацию текст:

**«САМОУБИЙСТВО ИЛИ УБИЙСТВО?
В СУМОЧКЕ, ОСТАВЛЕННОЙ ВОЗЛЕ
МОСТА, ОБНАРУЖЕНЫ ВИЗИТКИ
БЕЗ АДРЕСА НА ИМЯ РУРИКО КИСИ».**

---

⁵ Река, протекающая по территории столичной префектуры и впадающая в Токийский залив.

8

Известие о смерти Рурико лишило Ханио дара речи. И надо же было так случиться, что именно в этот момент появился тот самый старик.

Он не вошел, а прямо-таки влетел в комнату, прошелся по ней пританцовывая.

– Вот это да! Как же это вы умудрились? Вот это работа! И живым остались! Ну, вы мастер, скажу я вам! Спасибо! Удружили так удружили.

Взбешенный, Ханио схватил посетителя за грудки:

– Немедленно убирайтесь отсюда! Вот ваши пятьдесят тысяч, – говорил он, запихивая деньги в карман старика. – Вы на них мою жизнь купили, но я остался жив и ничего вам не должен.

– Эй, погодите! Расскажите сначала, что произошло, а потом будем решать, что да как, – возмутился старик, беспорядочно двигая руками и ногами и хватаясь за дверную ручку. Он говорил так громко, что Ханио испугался, как бы не услышали другие жильцы. Наконец незванный гость отпустил ручку и уселся прямо на пол, громко дыша и издавая сквозь зубы свое фирменное шипение. Посидел так, потом подполз к стулу и взгромоздился на него, вернув себе достоинство.

– Не надо грубить, молодой человек. Особенно старшим. Тут старик заметил торчащие из кармана деньги, с негодо-

ванием выхватил их и положил в пепельницу. Ханио наблюдал за ним с интересом, гадая, не задумал ли он сжечь деньги. Делать этого старик, однако, не собирался. Скомканные банкноты распрямлялись в пепельнице, напоминая грязноватый букетик распутившихся искусственных цветов.

– Понимаете, чему я так радуюсь? Вы молоды и все же можете себе представить, как мучила и глубоко презирала меня Рурико. Она заслужила смерть, получила по заслугам. Так переспать-то с ней получилось?

Ханио почувствовал, как кровь приливает к лицу, и отвел взгляд.

– Ну как? Верно я говорил? Переспали, значит? Ну и как впечатления? Она особенная, правда? Стоит с ней переспать, как начинаешь ее ненавидеть. Потому что после нее другие женщины имеют бледный вид... Должен честно сказать: в моем возрасте она уже была мне не по зубам. И когда я это понял, что еще оставалось? Только убить ее.

– Довольно узкокобая логика. Получается, это вы ее убили?

– Ну уж! Что за глупые шутки? Если бы я сам мог это сделать, стал бы к вам обращаться? Убил ее...

– Значит, это убийство?

– А что же еще?

– Мне всегда казалось, что все в мире происходит в результате цепи случайностей. Никак не могу избавиться от этой мысли. Завтра еще раз схожу туда, в тот дом...

– И не вздумайте! Наверняка полиция там топчется. Хотите, чтобы они вас там оприходовали? Категорически не советую.

– Может, вы и правы.

Действительно, что толку туда идти, подумал Ханио. Какой смысл смотреть на опустевшую комнату, где больше не присутствует мягкое, гибкое тело Рурико. Только пистолет, должно быть, по-прежнему морозится в холодильнике.

– Но вот что странно... – Ханио немного успокоился, и ему вдруг захотелось поделиться со стариком тем, что с ним произошло.

Тот слушал его, посвистывая сквозь зубы, и, сам того не подозревая, выдавал пижонские привычки, оставшиеся у него с юности, – нервно теребил узел на галстуке покрытой пигментными пятнами рукой, приглаживал оставшиеся на голове редкие волосики. Он перевел взгляд на окно, и его внимание привлекла жухлая ива, торчавшая между соседними домами и освещенная падавшим из окон светом. Ветви дерева колыхались под порывами холодного ветра. Старик, казалось, перебирал в памяти пережитые воспоминания – печальные и приятные.

– Как получилось, что он меня не убил? Вот что странно, – сказал Ханио. – Ведь я могу быть свидетелем.

– Разве непонятно? Этот человек твердо решил убить Рурико. А вы оказались у него на пути. Ясно же. Скорее всего, она из него все соки выпила и он с ней ничего больше не мог.

Убей он вас обоих – получилось бы, что вы вместе с Рурико отправились в иной мир, где достать вас невозможно. Поэтому он и убил ее одну, совершенно осознанно. Чтобы Рурико принадлежала только ему. И твои действия только укрепили его в этом намерении.

– Неужели это он ее убил? Не похож он на убийцу.

– Разве не видите? Этот человек – мафиози. Настоящий пахан. Если даже ты будешь свидетелем, он найдет как выкрутиться. Сейчас он, возможно, сидит в той самой квартире и разыгрывает представление, делая вид, что оплакивает Рурико. Об убийствах скоро забывают. Того, кто ее убил, не найдут. И не надо вам в это нос совать. Займитесь своими делами. Да, вот вам еще пятьдесят тысяч. Бонус, так сказать.

Старик положил в большую хрустальную пепельницу еще пять купюр и собрался уходить.

– Полагаю, у нас больше не будет случая встретиться, – сказал Ханио.

– Хотелось бы верить. Рурико, надо думать, ничего обо мне не говорила?

Ханио захотелось подразнить старика:

– Ну, это как сказать. Не то чтобы совсем не говорила.

– Что? – Старик побледнел. – А личные данные, имя...

– Прямо даже не знаю.

– Вы меня, никак, шантажировать собрались, молодой человек?

– А хоть бы и так. Но вы ведь никакого уголовного пре-

ступления не совершили. Так?

– Так-то оно так, но...

– Мы с вами всего лишь попробовали чуть-чуть сдвинуть шестеренки опасного мира, в котором живем. Обычно такая мелочь не имеет ни малейшего влияния на ход событий, но стоило мне только отказаться от собственной жизни, как вдруг тут же произошло убийство. Потрясающе, правда?

– Удивительный парень! Не человек, а торговый автомат.

– Совершенно верно. Опускаете в меня монету – и получаете, что вам нужно. Автомат работает – ставит на кон жизнь.

– Как может человек до такой степени превратиться в робота!

– А-а, так я для вас откровение?

Ханио ухмыльнулся; старику, похоже, стало не по себе.

– Так сколько вы хотите? – спросил он.

– Если что-то понадобится, я выйду на связь. Сегодня мне ничего не надо.

Старик ринулся к двери. Ему хотелось как можно скорее вырваться на волю. Ханио окликнул его:

– О сиамском коте можете не беспокоиться. Я ведь живой.

Он протянул руку к висевшему на двери листку с объявлением и снова перевернул его на сторону, где было написано: «Продается жизнь». Зевнул и вернулся в комнату.

Он уже один раз умер.

Он не чувствовал никакой ответственности перед этим миром и не был к нему привязан.

Мир для него – лишь газетный лист, испещренный иероглифами-тараканами. Но какое место в нем занимала Рурико?

Тело Рурико найдено. Полиция, должно быть, с ног сбилась, разыскивая преступника. В «Вилле Боргезе» его никто не видел, в этом он был уверен. За двадцать минут, что просидел в коридоре, он никому на глаза не попался. Никто за ним не следил, когда он вышел из здания и направился к дому. Во всяком случае, признаков слежки он не заметил. Короче говоря, он растворился среди людей, как облачко дыма. Причины беспокоиться, что его могут привлечь как свидетеля, отсутствовали. Единственную проблему представлял старик – вдруг полиция его привлечет, а такую вероятность полностью исключать нельзя, и он расскажет о Ханио. Но этого бояться не стоит. Совершенно очевидно, что старик напуган тем, что связался с Ханио. Даже если бы Рурико убил Ханио, это дело вряд ли удастся распутать.

При этой мысли Ханио вздрогнул.

А вдруг Рурико в самом деле убил он? С учетом сюрреалистичного характера всей ситуации не мог ли Ханио, под-

давшись гипнотической силе странного человека в берете, сам того не ведая, убить девушку? Может, он совершил это в ту ночь, когда якобы спал беспробудно?

Не связано ли его решение выставить свою жизнь на продажу с этим убийством?

Нет, это бред! Он здесь совершенно ни при чем.

Ханио разорвал все нити, связывавшие его с обществом.

Но если дело обстоит так, что насчет связанных с Рурико сладких воспоминаний, не дающих ему покоя? Каков тогда смысл физической близости с ней, доставившей ему такое удовольствие? Да и существовала ли Рурико на самом деле?

Он решил больше не ломать голову по поводу своего участия в этой истории.

«Чем бы заняться сегодня вечером?» – подумал Ханио. Человек, продавший свою жизнь за сто тысяч, наверняка сумеет ее перепродать.

К выпивке Ханио не тянуло – слишком банальное занятие. Неожиданный импульс заставил его взять с буфета мягкого игрушечного мышонка с потешным выражением на мордочке. Его когда-то подарила ему знакомая девчонка, занимавшаяся изготовлением таких игрушек.

У мышонка была острая, как у лисы, мордочка, из кончика носа торчали редкие волосинки. Черные глазки-бусинки... В общем, ничего особенного, таких безделушек полно. Единственное – мышонка упаковали в прочную белую смирительную рубашку. Лапки его были спеленуты так туго, что

пошевелить их не было никакой возможности. На груди мышонка красовалась надпись по-английски: «Осторожно: пациент буйный».

В том, что мышонок не может двигаться, виновата исключительно смирительная рубашка, рассуждал Ханио. Результатом его логических умозаключений стал вывод: заурядная внешность мышонка связана с тем, что он ненормальный.

– Ну что, дружок? – обратился к мышонку Ханио, но ответа не услышал. Может, он мизантроп?

Выяснить, к каким грызунам относится мышонок – к деревенским или городским, Ханио не собирался, и все же было ощущение, что его выманил в Токио из глуши какой-то его пронирливый собрат. Большой город обрушился на мышонка всей своей тяжестью и раздавил. Из-за этого у него, страдающего от одиночества, наверное, и случилось помешательство.

Ханио решил, не торопясь, поужинать с мышонком.

Устроил его на другом конце стола, заткнул салфетку за смирительную рубашку и стал готовить еду. Свихнувшийся мышонок сидел как пай-мальчик и ждал.

Подумав, чем бы таким угостить мышонка, Ханио взял сыр и кусочек стейка и мелко нарезал, чтобы тому было легче работать своими острыми зубками. Положив в тарелку свою порцию, уселся за стол.

– Ну же, дружок! Ешь, не стесняйся, – посоветовал Ханио. Мышонок не отвечал. Похоже, кроме проблем с головой,

у него еще было несварение желудка.

– Эй! Ты чего не ешь? Я так старался, готовил. Не нравится, что ли?

Ответа, естественно, не последовало.

– Может, ты под музыку есть любишь? Красиво жить не запретишь. Сейчас заведу что-нибудь спокойное, чтобы тебе понравилось.

Он встал из-за стола, включил стерео и поставил «Затонувший собор» Дебюсси.

Мышонок по-прежнему угрюмо молчал.

– Ну ты чудак! Ты же мышь, лапы тебе не нужны, чтобы есть.

Молчание. Ханио вдруг вышел из себя:

– Стряпня моя не нравится? Тогда получай. – Он схватил тарелку с кусочками мяса и ткнул ее мышонку прямо в морду.

От толчка тот сразу свалился со стула на пол. Ханио поднял мышонка двумя пальцами:

– Что такое? Никак, сдох? Немного же тебе надо. Не стыдно, а? Эй! На похороны не надейся. И поминать тебя не буду. Мышь – она и есть мышь. Твое место в какой-нибудь грязной норе. От тебя живого толку ноль. Да и от дохлого тоже.

С этими словами он зашвырнул мертвого мышонка на буфет. Потом положил в рот кусочек стейка с мышиной тарелки. Мясо оказалось очень вкусным, сладким, как конфета.

Слушая Дебюсси, Ханио погрузился в раздумья:

«Со стороны все это, верно, выглядит как дурацкая игра, затеянная одиноким человеком, желающим избавиться от одиночества. Но когда одиночество превращается во врага – это страшно. А для меня оно – помощник, союзник. Тут и сомнений быть не может».

В этот момент в дверь кто-то еле слышно постучал.

Ханио открыл дверь. На пороге стояла невзрачная женщина средних лет с пучком на голове.

– Я по объявлению.

– А-а, вот оно что! Проходите. Я ужинаю, подождете минутку?

– Извините за беспокойство.

Женщина робко вошла, оглядывая комнату.

Вряд ли какое-либо другое действие может быть импозантнее, чем покупка чужой жизни. Почему тогда у человека, явившегося по такому значительному делу, столь непрезентабельный вид?

Заканчивая ужин, Ханио то и дело посматривал на посетительницу. Судя по неуклюже сидевшему кимоно, явно не домохозяйка. Тип старой девы, преподающей английскую литературу в женском двухгодичном колледже. Круг общения у нее ограничен жизнерадостными студентками, а отсутствие на горизонте представителей мужского пола привело ее к убеждению, что молодиться нечего, надо оставаться самой собой. Бывает, что такие женщины оказываются гораздо моложе, чем выглядят.

– По правде сказать, я несколько дней кряду тайком подходила к вашей двери. Но на ней висело объявление: «ПРОДАНО». Стала думать: как такое может быть? Ведь если

жизнь продана, значит человека не должно быть в живых. Поняла, что на девяносто девять процентов ничего не получится, но решила заглянуть сегодня в последний раз. На всякий случай. И вижу: «Продается жизнь». У меня от души отлегло.

Покончив с едой, Ханио принес из кухни две кружки с кофе – для себя и посетительницы – и спросил:

– Так что вас сюда привело?

– Даже не знаю, как сказать.

– Говорите как есть. Здесь вам не о чем беспокоиться.

– Все равно... Не знаю даже, как сказать.

Женщина помолчала, потом прямо взглянула на Ханио широко открытыми миндалевидными глазами.

– В этот раз вы вряд ли вернетесь домой живым, если продадите мне свою жизнь. Вас это не смущает?

На ее вопрос Ханио и глазом не моргнул, женщину будто покинули силы. Поджав губы, она глотнула кофе и повторила свое предупреждения. На этот раз голос ее дрожал:

– Я серьезно. То есть вы и вправду к этому готовы?

– Готов. Так что вы от меня хотите?

– Я расскажу.

Женщина смущенно запахнула на коленях полы кимоно, будто опасаясь, что в этой комнате на нее может кто-то напасть, хотя Ханио она была совсем неинтересна.

– Я работаю в маленькой библиотеке, выдаю книги. В какой именно – не имеет значения. В Токио библиотек что полицейских участков. Впрочем, это не важно. Я не замужем, времени свободного достаточно. У меня привычка – по пути с работы покупать вечерние газеты. Прихожу домой и погружаюсь в газеты. Читаю полезные советы, разные объявления: о приеме на работу, про обмен вещей и все такое. Какое-то время была активным участником клуба общения по переписке, даже завела на почте ячейку для писем до востребования. Но я понимала, что личная встреча закончится катастрофой, поэтому через какое-то время обрывала переписку.

– Личная встреча закончится катастрофой... Что вы имеете в виду? – сурово спросил Ханио.

– У каждого свои фантазии, – с раздражением отвечала

женщина, отводя глаза. – Не надо так унижать людей. Я рассказываю, что со мной было. Так или иначе, переписка мне наскучила, и я стала искать для себя другие развлечения. Но найти что-то подходящее оказалось очень трудно.

– Именно из-за этого я и напечатал объявление: «Продам жизнь».

– Можно не прерывать меня? Позвольте мне все-таки закончить свой рассказ. Где-то в феврале этого года, десять месяцев назад, мое внимание привлекло объявление в одной газете: «Куплю „Иллюстрированный атлас японских жуков-носорогов“, полное издание тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Автор: Гэнтаро Ямаваки. Двести тысяч иен. Контакт: почтовый ящик двадцать два семьдесят восемь, Центральное почтовое отделение»... Сейчас это весьма неплохое предложение. За последние годы букинистический рынок просел, и раз предлагалась такая цена, значит издание действительно редкое. Видимо, человек, поместивший объявление, справлялся об этой книге в букинистических магазинах, но не нашел, потому и пошел в газету. Как оказалось, интуиция меня не подвела. Похоже, у меня в бизнесе хорошее чутье... В конце каждого финансового года у нас в библиотеке проходит большая инвентаризация. Мы снимаем с полок все книги, тщательно протираем от пыли, приклеиваем оторвавшиеся инвентарные номера и расставляем обратно в том же порядке. Нелегкая работа, скажу я вам. Примерно половину библиотечного фонда составляют

книги по естественным наукам. Их несколько сотен. Среди них я еще в прошлом году заметила с десятков томов по энтомологии. В медицине или физике, к примеру, появляются новые методы лечения и лекарства, делаются новые открытия, и многие книги по этим наукам совершенно теряют цену. С энтомологией, я знала, это не так. Вытирая пыль, я открывала каждую книгу и просматривала ее. И совершенно неожиданно наткнулась на том с надписью на форзаце: «Гэнтаро Ямаваки. Иллюстрированный атлас японских жуков-носорогов. Тысяча девятьсот двадцать седьмой год. Издательство „Юэндо“». В памяти тут же всплыло газетное объявление из раздела «Ищу книги», и у меня родилась корыстная идея, ни разу не приходившая в голову за долгое время работы в библиотеке.

Если суммировать то, о чем дальше рассказала эта женщина, получим следующую картину.

Конечно же, до того момента она не совершала никаких противоправных действий.

Ее расплывчатые материальные фантазии до этого времени оставались под спудом, однако, когда впереди замаячила перспектива получить двести тысяч, в глубине сердца что-то лопнуло, как жареный бобовый стручок, и у нее вдруг появилась страстная тяга к модной одежде и шикарным вещам, которые позволили бы ей свысока поглядывать на других женщин.

Она непроизвольно завернула атлас в оказавшуюся под рукой бумагу и как ни в чем не бывало стала дальше разбирать книги. Потом, заявив коллегам, что ей надо выбросить ненужную бумагу, вышла со свертком в коридор и спрятала книгу в кабинете своей приятельницы. Теперь, если книга со штампами ее библиотеки где-то и всплывет, у нее будет оправдание: мол, выбросила по ошибке вместе с бумагой.

Короче, вечером, вернувшись домой, она открыла атлас. Сердце колотилось в груди, будто перед ней была какая-то неприличная книжка. Страницы атласа пропахли пылью.

Как она и подозревала, книга в самом деле оказалась редкостная, из тех, за которыми гоняются любители. Была она

издана из чистой эстетики, с художественной целью или для собственного удовольствия автора, сказать трудно. Старое издание – замечательная трехцветная печать, великолепные иллюстрации, на которых были изображены самые разные жуки с отметинами на блестящих спинках. Иллюстрации напоминали цветные постеры с рекламой модных украшений. Все иллюстрации были пронумерованы, снабжены научными названиями и описаниями жуков.

Но больше всего удивляла предложенная составителем атласа система классификации, не соответствовавшая общепринятой. Выглядела она следующим образом:

Отряд I. Сенсуальные (семейство возбуждающих, семейство стимулирующих).

Отряд II. Гипнотические.

Отряд III. Летальные.

Как и положено старой деве, женщина, естественно, полностью пропустила описание первого отряда, хотя именно о нем хотела прочесть больше всего, и сосредоточилась на последующих отрядах.

Она заметила, что кто-то испещрил страницы об отряде летальных неаккуратными красными кружками и линиями.

Внимание привлекла 132-я страница, посвященная разновидности жука-скарабея – *Anthypna Rectinata*. На иллюстрации был изображен невзрачный коричневый жучок. Его голова и спинка почти срослись, из покрытой хитиновой броней головы, откуда выростала первая пара лапок, как две

щетки, торчали усики. Ей показалось, что подобного жука она уже где-то видела.

В комментарии к иллюстрации говорилось:

Обитает на острове Хонсю в окрестностях Токио. Живет на розах, клеродендрумах и других цветах.

Распространен довольно широко, однако о его гипнотических свойствах известно на удивление мало. Еще меньше – о том, что он может вызывать летальный эффект в форме убийства, замаскированного под самоубийство. Такой эффект достигается следующим путем: жуки высушиваются, измельчаются в порошок, который смешивается с бромизовалом, являющимся седативным средством. Данная субстанция транслирует команды мозгу, когда человек спит, и может вызывать у него позывы к самоубийству разными способами.

На этом описание заканчивалось.

Однако его вполне хватило, чтобы почувствовать преступные намерения человека, разыскивавшего эту книгу. Взяв бритву, женщина аккуратно соскоблила библиотечные штампы с титульного листа и форзаца. Потом отправила открытку следующего содержания на абонентский номер человека, давшего объявление в газете:

«У меня есть интересующая вас книга. Полное издание. Если она вам еще нужна, могу передать на указанных вами условиях. Расчет при передаче. Укажите место и время встречи. Воскресенье предпочтительно».

Ответ пришел через четыре дня. Покупатель назначил

встречу в следующее воскресенье, что ее вполне устраивало. Тигасаки⁶; от станции Фудзисава, где останавливаются электрички, идти поряточно. К письму прилагались адрес и схема, как добраться до дома. Скорее всего, это дача, принадлежащая семейству Накадзима.

В письме, странная вещь, многие иероглифы были написаны неправильно. Даже в фамилии умудрились сделать ошибку. Почерк чудной, похож на детский.

«Какой странный человек», – подумала женщина.

Следующее воскресенье выдалось солнечным. Уже стояла весна, но ветерок с моря дул еще прохладный. Время было послеобеденное. Она сошла с электрички в Фудзисаве и направилась в сторону побережья, сверяясь с полученной схемой.

Свернув с асфальтированной дороги, она оказалась в немощенном проулке. Идти пришлось по песку. Под сложенные из камня ограды старых дач его намело поряточно. В воздухе кружились желтые бабочки. Кругом ни души. Конечно, здесь должно жить немало людей, ездивших в Токио на работу. Место стародачное. Тем не менее в окрестностях стояла полная тишина.

Она прошла через старые ворота, на которых висела табличка: «Накадзима», и зашагала по длинной песчаной тропке. Впереди в окружении сосен стоял дом в европейском стиле. Тут же был разбит большой сад, пребывавший в запусте-

---

⁶ Город в префектуре Канагава в центральной части о. Хонсю.

нии и насквозь продуваемый налетавшими с моря ветрами.

Она нажала кнопку звонка. К ее удивлению, на порог вышел толстый краснолицый иностранец – европеец или американец – и сказал по-японски:

– Спасибо за ваше послание. А я вас поджидал. Проходите.

Он говорил на японском так чисто, что ей сделалось не по себе.

На хозяине был кричащий, в шотландскую клетку пиджак спортивного покроя. В комнате порядка двадцати метров, куда толстяк провел гостью, сидел еще один человек, тоже иностранец, сухой, как богомол. Он встал со стула и вежливо поздоровался.

Женщина была готова убежать, если бы вдруг почувствовала какую-то угрозу. Несколько массивных стульев из ротанга стояли прямо на голых татами, из чего напрашивался вывод, что эти люди поселились тут временно. Другой заслуживающей упоминания мебели в комнате не было, зато в стенной нише стоял цветной телевизор. Он не работал, и ничего не показывавший кинескоп вызывал ассоциацию с угольно-черной гладью болота.

Затянутые бумагой раздвижные двери были открыты настежь; в коридор, на полу которого скрипел песок, выходило несколько плохо подогнанных стеклянных дверей, беспрестанно дребезжавших на ветру. Судя по всему, они были не заперты. Это вселяло в женщину уверенность, что она в слу-

чае чего сумеет выбежать из дома через одну из этих дверей.

Худой поинтересовался, не хочет ли она выпить, но получил отказ. Тогда ей принесли что-то вроде лимонада, но она к нему не притронулась – боялась, что хозяева до того, как совершится сделка, могут насыпать ей в стакан снотворного.

Говоривший по-японски толстяк предложил ей стул и больше не произнес ни слова. Об атласе жуков пока ничего не говорили; она положила пакет, где лежала книга, себе на колени и зашуршала им, пытаясь привлечь внимание.

Никакой реакции.

Хозяева шептались по-английски, не обращая внимания на посетительницу. Она не знала английского и потому не поняла ни слова, но по выражению лиц было ясно, что речь шла о чем-то серьезном. Тем временем ее нетерпение нарастало.

И тут в прихожей раздался звонок.

– О! Наверное, Генри пришел... – сказал по-английски толстяк и поспешил к двери.

Сначала в комнате появилась такса с висячими ушами и блестящей, будто смазанной маслом, как у морского котика, шерстью. За ней вошел еще один иностранец, одетый как на прогулку, – пожилой, с холеным лицом. По поведению толстого и тонкого было видно, что он старший в этой троице. Они почтительно представили ему визитершу. Собака противно отряхнулась.

Вошедший, судя по всему, японского не знал и быст-

ро проговорил какую-то любезность по-английски. Толстяк взялся переводить:

– Генри благодарит за то, что вы пришли как договаривались, и выражает вам глубокое уважение.

«Ну, это уже перебор. За что уважение-то?» – подумала она.

– Мы видим, вы принесли книгу, – продолжал переводить толстяк, наконец переходя к делу.

Женщина обрадованно вынула книгу из сумки и развернула.

– Деньги, э-э... мани, не забывайте, – обратилась она к переводчику, но тот не отреагировал. От страха, что сейчас у нее просто отнимут книгу, перехватило горло.

Босс перелистывал книгу. Лицо его сияло – он явно был удовлетворен. Толстяк продолжал переводить:

– Извините! Во всех экземплярах книги, которые до сих пор попадались нам в руки, осталось только тридцать страниц, остальные вырезаны. Знаете, японская полиция в свое время подвергла это издание цензуре, удалив все, что ей казалось лишним. Это первая неиспорченная книга из всех, и Генри, как вы видите, страшно доволен. Надо было сначала проверить, а потом уже расплачиваться. Вот, двести тысяч. Пересчитайте, пожалуйста.

Толстяк вручил женщине деньги. На его щеках образовались ямочки, белевшие словно кружки эмали. Такса подошла и обнюхала пачку банкнот.

Женщина с облегчением пересчитала деньги – двадцать новеньких хрустящих десятитысячных. Больше в этом доме делать было нечего, и она поднялась со стула, чтобы направиться к двери.

– О! Неужели вы уже покидаете нас? – сказал толстяк, а его худой напарник встал и загородил ей дорогу.

– Уж если вы так издалека приехали, может, все-таки перекусите с нами? А потом спокойно поедете домой.

– Нет, спасибо, – отрезала женщина, делая шаг к двери. Ее охватило предчувствие, что надвигается что-то пугающее.

Толстяк вдруг наклонился и прошептал ей на ухо:

– А как насчет еще пятисот тысяч?

– Что?

Она застыла на месте, решив, что ослышалась.

...У Ханио разыгралось любопытство. Библиотекарша, совершенно непривлекательная как женщина, рассказывала историю, которая по-настоящему его захватила.

– Хм, занятная история, однако. Ну и как? Получили вы еще пятьсот тысяч?

– Мне было не до денег. Как-то удалось от них отвязаться. Никто вроде за мной не гнался, не следил, но всю дорогу до станции я бежала. Вся взмокла от пота.

– Вы потом еще ездили туда?

– Вообще-то...

– Они вас опять позвали?

– Нет. Но мне захотелось узнать, что было потом, после того как я убежала оттуда. И вот как-то в июле, выбрав солнечное воскресенье, когда делать особо было нечего, я поехала посмотреть, что там и как. В доме явно кто-то жил, поэтому я позвонила. На сей раз открыла японка. Я удивилась и спросила, можно ли видеть Генри. Хозяйка оказалась неприветливой: «А-а, того иностранца? Весной я сдавала ему дачу. Прожил недели две-три и съехал. Куда – не знаю». Пришлось возвращаться ни с чем.

– Угу! Рассказ ваш интересный, ничего не скажешь. Но какое отношение все это имеет ко мне?

– Подождите, будет вам отношение.

Женщина попросила у Ханио сигарету, закурила. В этом жесте не было ни кокетства, ни заигрывания. Она скорее походила на продавщицу лотерейных билетов, которая впарила прохожему билетик и тут же нахально попросила у него закурить.

– Больше ничего я от них не слышала. Абонентский ящик на почте оставила, но никто со мной так и не связался... А тут я увидела ваше объявление насчет продажи жизни, и в голову пришла мысль. Ведь обещанные полмиллиона вполне могли оказаться приманкой для того, чтобы провести надо мной эксперимент. В таком случае все становится на свои места. И еще я подумала, что если они увидят ваше объявление в газете, то обязательно с вами свяжутся.

– Но ведь не связались. Эти иностранные жучары, верно, уже смотались в Гонконг или Сингапур. Вы так не думаете?

– А если они из ACS? – сказала женщина.

– Что?! – Ханио решил, что ослышался.

Что же получается? Эта женщина тоже знает о ACS?

Тот гангстер – не то кореец, не то китаец – говорил, что ACS всего лишь выдумка, сюжет для ужастиков, однако у Ханио появились сомнения. Вдруг такая контора существует на самом деле и имеет отношение к смерти Рурико? А выслушав эту женщину, он почувствовал, что все происходящее с ним в последнее время связано одной нитью. И у него возникло подозрение – не стал ли он пешкой в игре, затеянной ACS, из-за своего желания продать свою жизнь?

Но если взглянуть с другой стороны, разве стала бы женщина, принадлежащая к такой мощной организации, столь беспечно о ней упоминать? Да никогда. Она просто честно рассказала Ханио о встрече с иностранцами в Тигасаки. Только и всего.

– А что такое ACS? – решил спросить он.

– Вы правда не знаете? *Asia Confidential Service*. Тайная организация. Говорят, она связана с контрабандой наркотиков.

– Откуда же вам о ней известно?!

– В нашу библиотеку заходил один иностранец. Оказалось, что он наркодилер. Он приходил каждый день, и все восхищались: «Ого! Это ж надо, как человек занимается!» Очень общительный и симпатичный; говорил, что он из уни-

верситета С*** в Лос-Анджелесе, адъюнкт-профессор. Исследовал что-то по истории Японии, каждый день ходил в читальный зал. Ну, мы и думали, что он известный специалист.

Довольно скоро я заметила одного японца, похожего на безработного, который все время садился рядом с этим иностранцем. Похоже, у них нашлось что-то общее, потому что этот человек тоже брал книги исключительно по истории Японии. Одна моя молодая коллега как-то заметила: «До чего дошло! Иностранец учит японца нашей истории. Потому что гораздо лучше ее знает. Все с ног на голову перевернулось».

Скоро этот самый иностранец завел знакомство с девушкой, работавшей за регистрационной стойкой, и предложил ей попить кофе где-нибудь по соседству. К ее неудовольствию, он оказался очень осторожным человеком и попросил, чтобы она пригласила подругу – соблюсти приличия. Девушка, конечно, надулась, когда иностранец позвал еще и меня. Идти не очень хотелось, но я все-таки решила не отказываться.

Когда же это было? Ага! В мае прошлого года. У меня от того вечера остались глубокие впечатления, поэтому я помню все очень отчетливо. Библиотека только что закрылась, солнце еще ярко светило, заливая своими лучами все вокруг, а мы шли по красивой аллеюшке в сторону центральной улицы. Мы решили отвести иностранца в одно кафе, куда часто

ходили. Все трое были в приподнятом настроении, испытывая радостное возбуждение, к которому примешивалось еще что-то вроде соревновательного азарта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.